

Боевые искусства как феномен культуры

В статье рассматривается место и роль боевых искусств в традиционной культуре Дальнего Востока, а также в современной культуре Запада (включая Россию). Даны определения ключевых понятий, указаны уникальные особенности дальневосточной картины мира, которые сделали возможным появление в этом регионе традиции, имеющей синтетическую, духовно-физическую природу. Рассмотрена история возникновения и развития этой традиции, её распространения за пределами исходного культурного ареала. Описана функция боевых искусств как межкультурного медиатора и транслятора культурного наследия Дальнего Востока.

Феномен боевых искусств, существующий на стыке физической, духовной и, в меньшей степени, художественной культуры является актуальным объектом культурологического исследования. Эти традиции, видоизменяясь и обогащаясь, продолжают жить и оказывать влияние на различные стороны культуры. Трудно переоценить их роль как в традиционной, так и в современной культуре не только самого Дальнего Востока, но также и в современной культуре практически всего цивилизованного мира, ибо в эпоху массовых межрегиональных контактов и глобализации эти феномены приобрели поистине общемировую известность и значимость, породив огромную волну отражений в самых разных полях и сферах культуры. Прошлые и настоящее боевых искусств, а также ряд тесно связанных с ними тем, в первую очередь военная история и воинская культура стран Дальнего Востока, нашли отражение в огромном количестве фильмов, литературных произведений, так или иначе затрагивающих эти вопросы, стали одним из излюбленных сюжетов современной масс-культуры. Также нельзя забывать и о влиянии боевых искусств на материальную культуру, некоторые элементы которой – в первую очередь традиционное оружие и защитное снаряжение – не могут быть адекватно поняты без учёта этого влияния.

Со времени начала систематических и массовых культурных контактов между Дальним Востоком и Западом (кон. XIX в.) неуклонно растёт и научный интерес к тематике боевых искусств как один из аспектов глубочайшей заинтересованности Запада дальневосточной культурой. Благодаря этому интересу уже не только в Японии, Китае и Корее, но и на Западе (в т.ч. и в России) достигнуты заметные успехи в изучении гуманитарных аспектов дальневосточной воинской традиции – её истории, философской базы, морально-этических принципов, психологических методик и т.д., накоплен значительный корпус переводов и исследований. Среди отечественных авторов, занимающихся этими проблемами, можно выделить Н.В.Абаева,

Н.М.Богачихина, И.А.Воронова, А.М.Горбылёва, А.А.Долина, А.М.Козлова, И.Б.Линдера, А.А.Маслова, Г.В.Попова, В.П.Фомина. В то же время, на фоне значительного количества конкретно-исторических материалов следует отметить некоторый недостаток в обобщающих работах именно теоретико-культурологического плана.

Военные традиции народов Дальнего Востока, воинские искусства, боевые искусства, психофизические практики, восточные единоборства – эти понятия не тождественны друг другу и требуют по возможности максимально чётких и исчерпывающих определений. Речь об этом, в числе других важных тем, пойдёт ниже. Однако с самого начала необходимо заострить внимание на том, что все вышперечисленные явления принадлежат к одной великой традиции, корни которой теряются в глубине тысячелетий, там где история вырастает из мифологии, а новые молодые победы продолжают отпочковываться и сегодня, причём в самых разных, порой далёких от исходного ареала, частях земного шара.

Феномен боевых искусств генетически восходит преимущественно к той обширнейшей сфере культуры, которая непосредственно связана с войной и культурой профессиональных воинов. Именно эта сфера является для боевых искусств той системой, в которой они сформировались в качестве её подсистем, но от которой практически полностью отделились впоследствии, в процессе развития цивилизации и культуры.

Не вызывает сомнения тот факт, что какие-то боевые техники, более или менее устоявшиеся приёмы обращения с оружием и собственным телом в бою существовали абсолютно у всех народов и племён. Они естественным образом появлялись и оттачивались в процессе внутре- и межплеменных столкновений, и передавались следующим поколениям как один из залогов сохранения самостоятельности, а часто и физического существования данной группы. Однако в подавляющем большинстве случаев они оставались конгломератом более-менее разрозненных навыков, никак или почти никак не кодифицируемых и передаваемых исключительно через непосредственное обучение от старших младшим. В результате подобные знания безвозвратно терялись как при исчезновении с исторической арены группы их непосредственных носителей, так и при изменениях конкретно-исторических условий, лишавших ранее полезные навыки практического значения. Особенно большую роль сыграло здесь массовое распространение огнестрельного оружия, буквально «похоронившее» целые пласты традиционной воинской культуры множества народов.

Так, несмотря на горячий энтузиазм основателей и последователей всевозможных современных «славянских» и «русских» стилей боевых искусств, какой-либо серьёзной доказательно-исторической базы они не имеют, т.к. практически отсутствуют достоверные исторические источники, касающиеся этой стороны культуры наших предков. Несколько лучше обстоит дело в Западной Европе, где отдельные традиционные школы и направления сумели сохранить свою непрерывность до наших дней (речь в первую очередь идёт о

клинковом фехтовании), имеются различные по времени создания (в т.ч. и средневековые) тексты, освещающие техническую, методическую, психологическую и даже духовно-философскую стороны данных традиций, а также наметилось определённое движение в сторону осознания их как культурной ценности, а не только инструмента для решения сугубо прикладных задач. Однако и здесь проблематика совершенствования личности через занятия боевыми практиками осталась в стороне от магистрального направления развития культуры в новое время, и даже в некотором смысле оказалась противопоставлена главному вектору этого развития – новоевропейскому гуманизму. В остальных регионах мира наблюдается ситуация, в целом сходная с российской или, в лучшем случае, с западноевропейской.

Единственным исключением является дальневосточный культурный регион (современные Китай, Япония, Корея и Вьетнам), породивший уникальную по своим масштабам и глубине традицию боевых искусств, далеко выходящую за рамки сугубо прикладных задач. Только здесь общая недualiстичность мировоззрения, холистичность мировосприятия привела к тому, что телесное и духовное не противопоставлялись (как это произошло в зоне господства авраамических религий), а воспринимались в неразрывном единстве, как две стороны одного процесса бытия. А представление о Пути (кит. дао, яп. до), ставшее центральной философской категорией и пронизавшее собой всю культуру, оказывало огромное, подчас определяющее влияние на широкий спектр духовных, художественных, религиозных и даже ремесленных, медицинских и бытовых практик. Не стали исключением и практики боевые. В результате постепенно сложилась уникальная традиция боевых искусств, включающая в себя в той или иной мере все вышеперечисленные типы культурных практик. Поэтому только дальневосточная традиция заслуживает наименования «боевое искусство» в самом узком и строгом смысле этого понятия, со смысловым ударением на слове «искусство» – боевое искусство как Путь. Вот что пишут по этому поводу А.Зайцев и А.Плескачѳв в работе «Психологические факторы в боевых искусствах»:

«Боевые системы и боевые искусства – это не одно и то же. Под боевыми искусствами мы понимаем не только системы ведения боя, но и принципы, которые вырабатывались в процессе обучения этим системам и на которых строилась вся жизнь.

Далее, мы утверждаем, что западных боевых искусств нет. Комплексы приёмов владения различными видами оружия, а также приёмов рукопашного боя, созданные на Западе, согласно нашему определению не являются боевыми искусствами. Западная культура и менталитет, основанный на ней, не способствовали возникновению боевых искусств, аналогичных восточным» [цит. по: 1, 14].

Использование авторами термина «боевые системы» для чѳткого отделения от них собственно боевых искусств следует в целом признать весьма уместным. Однако в актуальном русском словоупотреблении к настоящему моменту сложилась несколько другая традиция, и то, что здесь названо бое-

выми системами, обычно на уровне терминологии не вычленяется, а обозначается тем же словосочетанием – «боевые искусства». К тому же в рамках предложенной дихотомической пары определений остаётся не решенным вопрос об общем термине, обозначающем какую-либо конкретную традицию в целом. Ведь если, к примеру, каратэ на заре своего развития, когда оно называлось просто «тэ», «окинава-тэ» или «каратэ-дзюцу» несомненно было боевой системой, потом сделалось боевым искусством (каратэ-до), а ещё позже некоторые его стили превратились в чисто спортивные единоборства, то к какому же классу явлений отнести каратэ вообще, как единую традицию, каковой оно, несомненно, является?

Исходя из этого, автор предлагает использовать определение «боевое искусство» в обоих традиционно сложившихся значениях: и как обобщающий термин для всей традиции в целом (например каратэ), и как обозначение конкретного наивысшего этапа развития этой традиции, характерного в исходной своей форме только для Дальнего Востока (например каратэ-до), в отличие от повсеместно распространённых боевых систем. Разумеется, во избежание путаницы необходимо чётко указывать в каком из значений употребляется это название в каждом конкретном случае.

Боевое искусство в широком смысле этого понятия, как целостная, развивающаяся во времени традиция, может включать (и обычно включает) в себя несколько преемствующих друг другу этапов. Оно всегда зарождается как воинское искусство (яп. дзюцу), потом часто развивается в собственно боевое искусство в узком смысле, искусство как Путь (яп. до); от воинского или боевого искусства может брать начало спортивно-боевое единоборство и чисто спортивная, не имеющая уже никакой боевой направленности система (например современное спортивно-показательное ушу); из воинского же искусства может развиваться и психофизическая практика (психомоторная гимнастика), как, например, произошло в тайцзи-цюань.

Что же касается собственно боевого искусства в узком смысле этого понятия, то мы предлагаем определять его как систему, ставящую своей целью гармоничное развитие как физического и психического в их прикладном боевом аспекте, так и духовного потенциала человека в их неразрывной связи, развития одного через другое без их противопоставления. Данная конструкция представляет собой определение феномена культуры Востока при помощи дихотомического понятийного языка Запада и имеет целью попытку преодоления этой дихотомичности и приближения к восточному холистическому пониманию.

Разумеется и боевые искусства в широком их понимании, и являющиеся их разновидностью сугубо прикладные боевые системы, как и любой феномен культуры, могут быть объектом культурологического исследования. Но наиболее интересным и продуктивным объектом подобного исследования являются боевые искусства в узком смысле, боевые искусства как Путь, в силу их синтетического характера, органичной связи практически со всеми пластами породившей их региональной культуры, а также личной культуры

их адепта вне зависимости от его культурной принадлежности.

Особый интерес для исследователя-гуманитария представляет духовно-философская сторона дальневосточной традиции боевых искусств. Источниками здесь служат как множество классических текстов, ставших основой данной традиции – Дао Дэ Цзин, Чжуан-цзы и иные даосские книги; различные чань- (дзэн-) буддийские писания; Будососинсю («Напутствие вступающему на Путь Воина»), Хагакурэ («Сокрытое в листе») и другие трактаты по бусидо (Пути Воина) – так и тексты, непосредственно посвященные в той или иной степени философии боевых искусств – «Письма мастера дзэн мастеру фехтования» и «Хроники меча Тайа» Такуана Сохо, «Книга пяти колец» Мусаси Миямото, «Переходящая в роду книга об искусстве меча» Ягю Мунэнори, книги выдающихся мастеров боевых искусств нового времени (Дзигоро Кано, Фунакоси Гитина, Морихэя Уэсибы и др.), а также научные исследования, классическими среди которых считаются «Бусидо. Душа Японии» Нитобэ Инадзо и работы Судзуки Дайсэцу.

Философия дальневосточной традиции боевых искусств основывается на осознании всего бытия как бесконечного круговорота единой энергетической субстанции (кит. «ци», яп. «ки»), выражающегося в беспрестанном взаимодействии полярных проявлений этой энергии (инь и ян), на понимании человека как части этого процесса, могущей управлять его протеканием по собственному желанию с помощью специфического развития собственного психофизического потенциала и применения специальных техник (особенно это характерно для т.н. «внутренних» стилей китайского ушу и таких японских боевых искусств как кэндо, айкидзюцу и айкидо). Буддизм, в первую очередь медитативный, связанный с практикой созерцания (кит. «чань», яп. «дзэн») привнёс в эту традицию представление об онтологической иллюзорности любых феноменов, в том числе и противостоящих друг другу противников, что привело к господству идеи о пути к победе не через агрессивное силовое подавление, а через осознание того, что ты и противник – суть одно, через использование его силы, парадоксальное нежелание победы и т.п. Важнейшее место в духовно-философском наследии боевых искусств занимает этическая составляющая, делающая акцент в первую очередь на характерном для буддизма представлении о ценности любой жизни и нежелательности любого насилия, а также на идее служения, получившей наивысшее развитие в японской традиции бусидо и трансформировавшейся по окончании феодального периода в идею служения идеалам боевого искусства, почтения к учителю и продолжения его дела, распространения своей школы, искоренения зла и т.д.

Чрезвычайно важной и до сих пор малоисследованной проблемой является роль боевых искусств как медиатора кросс-культурной коммуникации. Во-первых, зародившись и длительное время развиваясь в рамках традиционной культуры, они органически впитали в себя её базовые мировоззренческие, этические, эстетические и др. черты. Поэтому приобщение к традиции боевых искусств автоматически означает приобщение в той или иной мере

(зависящей как от традиционности школы, так и от собственных запросов и способностей адепта) к этим общекультурным традициям, что чрезвычайно важно для сохранения и актуализации культурного наследия в эпоху стремительных изменений культуры. Во-вторых, будучи порождением дальневосточной культуры, по ряду причин вызывающим огромный интерес и воспринимаемым представителями иных культурных типов, боевые искусства, распространяясь по миру, несут с собой все те черты дальневосточного наследия, о которых говорилось выше. Таким образом, боевые искусства являются медиатором, во временном аспекте – между традиционной и современной культурой, а в аспекте пространственном – между дальневосточной культурой-индуктором и любой другой культурой-реципиентом. С помощью этого медиатора транслируется не только содержание непосредственно традиции боевых искусств, но и лежащие в его основе наиболее глубинные, базовые идеи и представления традиционной дальневосточной картины мира.

Функция боевых искусств как медиатора интеллектуальной коммуникации осуществляется двумя основными способами: а) непосредственно во время занятий, через усвоение информации от учителя (сэнсэя, тренера, инструктора) и коллег-учеников, которая, в идеале, тесно увязывается с практическими действиями, что, в сочетании со специфической обстановкой, ведёт к более глубокому и заинтересованному восприятию; б) через самостоятельный поиск и усвоение информации (чтение классических и современных текстов, просмотр видеоматериалов, общение со специалистами и другими интересующимися данной тематикой людьми), заинтересованность в которой возникла под влиянием боевых искусств. Причём, если в первом случае субъект этой интеллектуальной коммуникации должен с необходимостью являться адептом какого-либо боевого искусства, то во втором это не обязательно. Весьма распространена ситуация, когда некто, воспринимая культурные (в первую очередь художественные) отражения традиции боевых искусств, подпадает под очарование «мифа боевых искусств», но при этом не становится их активным адептом. Но и в этом случае реализуется функция боевых искусств как коммуникативного медиатора. Таким образом аудитория идеологического воздействия дальневосточной традиции боевых искусств значительно шире, нежели круг непосредственно занимающихся ими. Так происходит своего рода диффузное распространение и пропагандирование культурно-идологического наследия Дальнего Востока через посредство боевых искусств.

Не будет преувеличением сказать, что боевые искусства являются одним из важнейших стимуляторов массового интереса к традиционной дальневосточной культуре на Западе. Увлечение ими способствует распространению таких основополагающих для дальневосточной картины мира идеологем, как Дао (Путь, порядок бытия), ци или ки (энергетическая субстанция), беспрестанный круговорот инь и ян (полярных проявлений энергии ци) как основа бытия, Учитель в его специфическом восточном понимании, дзен (созерцание), просветление (сатори), недеяние (у-вэй), состояние безмыслия

(у-син), провозглашаемое даосизмом превосходство мягкого и податливого над твёрдым, безыскусного над искусным и искусственным и т.д. Этот список можно продолжать достаточно долго. Важно то, что укореняясь в массовом сознании, эти идеологемы начинают функционировать самостоятельно, и таким образом меняется уже картина мира западного человека. Создаётся своеобразное культурное поле, активнейшим образом взаимодействующее с общим полем той или иной культуры посредством общения его представителей с окружающими (как вживую, так и, что особенно важно, через средства массовых коммуникаций), написания ими различных текстов, создания художественных произведений так или иначе репрезентирующих культурное наследие Дальнего Востока и т.п. В этом же поле происходит и трансформация самих заимствованных понятий, идей, принципов в соответствии с духом заимствовавшей их культуры. А глобализационные процессы, в свою очередь, способствуют возвращению трансформированного содержания обратно на родину уже в новом качестве, где оно снова вступает во взаимодействие с исходной культурой. В этом культурном диалоге Востока и Запада боевые искусства играют важную роль одного из медиаторов и трансляторов смыслов, и учёт их роли необходим для полного и всестороннего понимания мировых культурных процессов современности.

1. Воронов И.А. Психотехника восточных единоборств (Восточно-азиатская классическая концепция психологической подготовки единоборцев)/ И.А. Воронов. – Мн.: Харвест, 2005. – 432 с. (Боевые искусства)
2. Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо – традиция воинских искусств. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990, – 429 с.: ил.
3. Дрэгер Донн. Классические будзюцу. Пер. с англ. – К.: «София», 2000. – 112 с.
4. Дрэгер Донн Ф. Классическое будо/ Пер. с англ. А. Кратенкова. – М.: Фаир-Пресс, 2001. – 240 с. – (Боевые искусства).
5. Дрэгер Донн Ф. Современные будзюцу и будо/ Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: Агенство «Фаир», 1998. – 368 с.: ил. – (Спорт).
6. Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977, – 168 с.
7. Козлов А.М. История боевых искусств Востока/ А.М. Козлов. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 398, [2] с.: ил.
8. Нитобэ Инадзо. Бусидо. Душа Японии. Классическое эссе о самурайской этике. Перев. с англ. К. Семёнова. – М.: ООО Издательский дом «София», 2004. – 208 с.
9. Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. – СПб.: Наука, 2003. – 522 с.
10. Фомин В.П., Линдер И.Б. Диалог о боевых искусствах Востока. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 363 [5] с., ил.